

НА ПРЕДЕЛЕ

СКОРОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КРИСТИНА КРОУЗ

Кристина Кроуз

На пределе скорости

<https://litres.ru/74610719>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Майами есть люди, которым принадлежат гоночные трассы, чужие долги и право решать, кто пересечёт финишную черту. Томас Дрейк один из них.

Десять лет назад Кэролайн Найт потеряла отца. С тех пор имя Дрейка связано для неё с той трагедией, а встреча с ним казалась худшим, что могло случиться в её жизни.

Пока его брат борется за жизнь после аварии, Томас запирает Кэролайн в собственном мире, где власть решает больше, чем правда. Последней с машиной работала она, но Кэролайн знает, что тормоза испортили уже после её ремонта. Чтобы выжить и доказать свою невиновность, ей придётся искать ответы среди людей, которым она не может доверять.

Их столкновение будет жестоким, их доверие придётся заслужить, а притяжение между ними способно привести к последствиям, которых ни один из них не готов принять.

Тёмная романтика. Опасное противостояние. Тайны, за которые приходится платить.

Но кто первым потеряет контроль: тот, кто привык владеть чужими судьбами, или та, которую он сам

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Г	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кристина Кроуз

На пределе скорости

Глава 1

Кэролайн

Полночь, а я уже четвёртый час вожусь с машиной в гараже, доставшемся мне от отца. Могла бы подняться в дом, где тепло, уютно и чисто, но хочу довести работу до конца.

Лежа на подкатном лежаке под машиной, я откручиваю масляный фильтр, и остатки отработки брызгают мне прямо в лицо. Почти одновременно снаружи что-то металлическое звякает об асфальт. Я жмурюсь от рези в глазах, отталкиваюсь ногами и выкатываюсь из-под машины.

Чёрт, где же тряпка? Я ведь оставляла её где-то рядом!

Слепо шарю рукой по полу, пока пальцы наконец не нащупывают скомканную ткань. Вытирая лицо, я сползаю с лежака, поднимаюсь на ноги и иду к верстаку. Нужно найти хоть что-нибудь увесистое. Пальцы натыкаются на гаечный ключ, и я стискиваю его в кулаке.

В этот момент железная дверь с грохотом ударяется о стену. Я оборачиваюсь на звук, часто моргая: глаза всё ещё щиплет, и в дверном проёме расплываются два огромных силуэта.

Я вжимаюсь спиной в верстак и несколько раз моргаю, пытаясь сфокусировать взгляд. Постепенно расплывчатые фигуры обретают очертания. Двое мужчин в чёрных пальто смотрят на меня с непроницаемыми лицами. Под расстёгнутыми пальто виднеются строгие костюмы. Один из мужчин делает шаг вперёд, наступая прямо в лужу отработанного масла, и мой взгляд цепляется за его чёрный кожаный ботинок, который наверняка стоил дороже моих инструментов и самого гаража.

Я прочищаю горло.

— Вы кто? Что вам нужно?

Голос дрожит, но мужчины не отвечают. Я медленно двигаюсь боком вдоль верстака, поглядывая на лом у другого края. До него остаётся всего несколько шагов, когда я задеваю ногой металлическое ведро. Оно с грохотом опрокидывается на бетонный пол, и я вздрагиваю, замираю на месте и снова перевожу взгляд на мужчин.

За спинами незнакомцев появляется ещё один мужчина. Оба расступаются, пропуская его вперёд.

Томас Дрейк.

Пальцы крепче сжимают гаечный ключ, дыхание сбивается. Именно его я меньше всего хочу видеть в своём гараже. Дрейк владеет несколькими частными автодромами, организовывает крупные соревнования и устраивает ночные заезды, которых нет ни в официальных календарях, ни на афишах. В гоночном мире его имя открывает двери: он реша-

ет, кто получит доступ к его трассам, кому достанется место на престижном старте и с кем из гонщиков захотят работать спонсоры. С ним считаются и профессиональные команды, и те, кто зарабатывает на подпольных гонках.

Но больше всего я ненавижу его за то, что десять лет назад он убил моего отца.

Томас брезгливо оглядывает гараж, задерживая взгляд на пятнах масла на полу и разбросанных инструментах. Судя по его лицу, находиться здесь ему неприятно, однако он всё равно движется вперёд, неторопливо и уверенно, словно помещение принадлежит ему и спешить ему совершенно не за чем.

Он высокий, стройный и широкоплечий, выше даже своих людей, и мне приходится приподнять подбородок, чтобы смотреть ему в глаза. Под расстёгнутым пальто на нём чёрная водолазка и чёрные джинсы. Тёмные глаза задерживаются на мне, и живот сводит от страха.

Я должна что-нибудь сказать, спросить, какого чёрта они вломились в мой гараж, или хотя бы попытаться отступить, но вместо этого продолжаю смотреть на Томаса, пока он приближается. В наступившей тишине слышны его шаги по бетону, и с каждым из них мне становится труднее соображать. Когда между нами остаётся всего пара шагов, он вдруг ускоряется. Я не успеваю даже поднять гаечный ключ, как холодный ствол пистолета упирается мне в висок.

Я резко втягиваю воздух, глядя ему в глаза. Кажется, до

этого я вообще забыла, как дышать. С детства со мной происходит одна и та же дрянь: когда мне страшно, рот начинает говорить раньше, чем голова успевает сообразить, что к чему.

— Только не говори, что за сломанную дверь придётся платить мне.

Томас на мгновение теряется. Его брови сходятся, он смотрит на меня с таким откровенным недоумением, словно пытается понять, действительно ли я сейчас беспокоюсь о двери. Через секунду лицо снова становится жёстким, а пистолет по-прежнему прижат к моему виску.

— Ты знаешь, зачем я здесь?

— Понятия не имею, — выпаливаю я, слишком быстро, чтобы голос успел выдать, насколько сильно меня трясёт.

У Томаса раздуваются ноздри. Он качает головой, будто моё поведение окончательно выводит его из себя.

— Неделию назад ты работала с машиной моего брата.

В памяти сразу всплывает дорогая гоночная тачка, которую привезли ко мне в гараж на прошлой неделе. Конечно, я её помню. Такие машины у меня появляются не каждый день. Я уже собираюсь спросить, что с ней случилось, когда Томас продолжает:

— Мой брат в реанимации. Врачи говорят, что он может не дожить до утра. И последняя, кто работал с его тормозами, — ты.

— Я меняла...

Договорить я не успеваю: его свободная ладонь ложится мне на горло, пальцы сжимаются, заставляя запрокинуть голову. Я упрямо смотрю ему в лицо, но вдруг замечаю, что он перестаёт двигаться. Его взгляд задерживается на моих глазах: один карий, другой голубой. Несколько секунд он молча разглядывает меня, пока мои колени начинают дрожать от напряжения, но я всё равно не отвожу взгляда.

Сухой щелчок раздаётся неожиданно. Я зажмуриваюсь, не в силах смотреть на то, что должно последовать, однако выстрела нет. Пистолет щёлкает вхолостую, и ноги становятся ватными от осознания того, насколько близко я только что оказалась к выстрелу. Когда открываю глаза, Дрейк с нажимом проводит стволом вниз по моей скуле, царапая кожу металлом. Боль обжигает, но я стискиваю зубы и не издаю ни звука, упрямо решив, что он не дождётся от меня ни единого жалобного звука.

Уголок его губ приподнимается в короткой усмешке. Он убирает пистолет, перехватывает меня за затылок и толкает вперёд, к выходу. Я пытаюсь спросить, куда он меня ведёт, но вопрос остаётся без ответа. У гаража нас уже ждёт огромный чёрный внедорожник с почти непрозрачными тонированными стёклами. Двое мужчин подхватывают меня и швыряют на заднее сиденье.

Тяжёлая дверь захлопывается перед самым носом. Через секунду Дрейк забирается следом и садится рядом, и от одного его присутствия просторный салон кажется мне тес-

ным.

— Трогай, — бросает он водителю, даже не повернувшись в мою сторону.

Когда двигатель заводится и машина трогается с места, я отворачиваюсь к окну, наблюдая, как мой дом постепенно исчезает в темноте.

Он большой, аккуратный, с недавним ремонтом и просторным светлым гаражом на первом этаже, который отец построил ещё в те годы, когда его имя знали на трассах по всей Флориде. Дом никогда не был вычурным дворцом, зато в нём всегда пахло уютом, чистым деревом и дорогой кожей. Теперь всё, что осталось мне от отца, медленно исчезает за тонированным стеклом.

Я еду неизвестно куда рядом с человеком, который убил моего отца, в грязном комбинезоне и футболке, с отработкой под ногтями. Перевожу взгляд на свои руки, затем на безупречно белую кожу сиденья, где уже проступают жирные чёрные отпечатки, и упрямо размазываю один из них пальцем ещё сильнее.

Глава 2

Кэролайн

В салоне пахнет новой кожей и одеколоном Дрейка. Его тяжёлый древесный аромат перебивает запах бензина и моторного масла, въевшегося в мою одежду. Он сидит у противоположной двери, уткнувшись в экран телефона, а меня всё ещё скручивает от страха. Хочется свернуться калачиком на полу и хоть на минуту перестать понимать, что происходит.

Я отворачиваюсь к окну. Неоновые вывески Майами тянутся за стеклом цветными полосами, сливаясь в сплошное пятно, от которого начинает мутить. Опускаю взгляд на свои измазанные руки, прижатые к животу, потом смотрю на водителя. Тот самый амбал, который выломал дверь моего гаража, ведёт машину с каменным лицом и лишь изредка проверяет зеркала. Интересно, сколько дверей он сломал за свою жизнь и хоть за одну ли заплатил?

Кожу на скуле всё ещё жжёт там, где Дрейк провёл по ней стволом. Я тянусь к лицу, собираясь проверить, не выступила ли кровь, но вовремя останавливаю себя. Последнее, чего мне хочется, — дать ему ещё один повод обратить на меня внимание. «Так, Кэр, соберись», — одёргиваю себя и делаю медленный вдох, пытаюсь унять дрожь. Шестнадцать часов в сутки я работаю, глотаю пыль и дышу парами растворителя, чтобы оплачивать счета, а этот тип вламывается ко мне,

увозит силой и обвиняет в том, чего я не делала.

Внедорожник съезжает с шоссе и спускается в подземный паркинг стеклянного небоскрёба. Дрейк выходит первым, даже не взглянув в мою сторону. Я выбираюсь следом и усмехаюсь про себя: конечно, ждать меня он не собирается. Он уже направляется к лифтам, а двое его людей держатся у меня за спиной, перекрывая путь назад. Мне остаётся только идти за Дрейком и заходить вместе с ними в стеклянный лифт.

Пока лифт поднимается, город внизу становится всё меньше. Я разглядываю отражение в зеркальных дверях: рядом с безупречно чистым Дрейком стоит растрёпанная девчонка в рабочем комбинезоне и грязной футболке. Контраст получается настолько нелепым, что я на секунду задерживаю взгляд на собственном отражении, прежде чем двери открываются.

Двери лифта разъезжаются, и мы выходим в тихий коридор. Дрейк направляется к двери в конце, не оглядываясь. Открыв её, он входит первым, и мне ничего не остаётся, кроме как последовать за ним. За дверью начинается просторная гостиная. Холодный серый камень, панорамные окна и пустые стены создают ощущение, будто здесь никто по-настоящему не живёт. На стенах нет фотографий, на столе не оставлено ни одной мелочи, которая могла бы рассказать что-нибудь о хозяине.

Дрейк пересекает гостиную, открывает одну из дверей и заходит в комнату. Я следую за ним, но останавливаюсь у по-

рога. Это спальня с большой кроватью и окном во всю стену; балконные двери наглухо закрыты. Он останавливается возле кровати и оборачивается ко мне. Под его прямым взглядом мне хочется отступить. Я делаю два шага назад, пока лопатки не упрутся в деревянный косяк.

— Завтра в восемь едем в мой бокс, — буднично произносит он, словно назначает обычную рабочую встречу. — Разберёшь тачку до последнего винтика, а до тех пор посидишь здесь.

— Я не трогала тормоза, — говорю я, упрямо глядя на него, хотя колени предательски дрожат. — Ты не имеешь права просто так запирать меня.

Дрейк резко шагает ко мне. Я выпрямляюсь, но отступить больше некуда: спиной я уже упираюсь в косяк. Он заслоняет собой свет из окна, и мне приходится задрать голову, чтобы видеть его лицо.

— Права? — усмехается он, наклоняясь ближе. Его одеколон снова забивает нос, и живот неприятно сводит. — Жизнь моего брата сейчас поддерживает аппарат. Если он умрёт, ты отправишься следом за ним. Спокойной ночи, Кэролайн.

Он разворачивается и выходит. Тяжёлая дверь захлопывается перед моим лицом, следом раздаётся короткий писк электронного замка.

Только теперь ноги подкашиваются. Я сползаю по стене на пол и закрываю лицо ладонями, пытаюсь отдышаться. В комнате тихо, и я слышу собственный пульс. Запах бензина

и моторного масла, въевшийся в мою рабочую одежду, возвращает меня на десять лет назад.

Мне было четырнадцать. На местном автодроме ревели моторы, а я вцепилась в металлическую сетку ограждения, высматривая на трассе отца. Он шёл первым, до победы оставался всего один круг. На крутом повороте, который гонщики прозвали «Дьявольской петлёй», машину вдруг повело в сторону. Чёрный «Мустанг» сорвался с трассы, несколько раз перевернулся и остановился после сильного удара. Почти сразу из-под капота вырвалось пламя. Вокруг закричали люди, но я почти перестала их слышать. Я смотрела на горящую машину и не могла вдохнуть. Всё ещё ждала, что дверь откроется и папа выберется сам, хотя огонь уже охватывал автомобиль.

Я не могла отцепить пальцы от сетки, не могла закричать или отвести взгляд. Сквозь дым заметила черноволосого парня. Накануне вечером он громко спорил с отцом за трибунами, и я запомнила его злое лицо. Теперь парень смотрел на горящую машину. Всего несколько секунд, без заметных эмоций, а потом отвернулся и ушёл, будто происходящее его не касалось.

Я открываю глаза и шумно выдыхаю. Несколько секунд не могу понять, где нахожусь. Потом замечаю панорамное окно и ночной Майами за стеклом.

Поднимаюсь с пола, подхожу к окну и прижимаюсь лбом к холодной поверхности. Огни города расплываются перед

глазами, когда к ним подступают слёзы. В отражении вижу собственное лицо и пальцы, прижатые к стеклу. На безупречно чистой поверхности остаётся жирный отпечаток моей ладони.

Я сжимаю зубы и размазываю его пальцем ещё сильнее.

Глава 3

Томас

Монитор мерно пищит, и этот звук постепенно начинает действовать мне на нервы. Я стою у стеклянной стены реанимации, глядя на Шона. Брат лежит под простынёй, подключённый к аппарату ИВЛ, с трубками и бинтами на груди. Его кожа побледнела настолько, что почти сливается с белой подушкой.

Хирург только что перечислил переломы рёбер и тяжёлое сотрясение, но я почти не слушал. Всё внимание приковано к цифрам на мониторе: я слежу за пульсом брата и пытаюсь понять, как такое вообще могло произойти. Последние десять лет я выстраивал в Майами систему, которая должна была защитить мою семью от подобных угроз. Теперь Шон лежит за стеклом, а я даже не знаю, кто решил его убить.

Когда врач уходит, Маркус подходит и останавливается чуть позади меня. Он знает, что сейчас лучше не лезть с разговорами, пока я не спрошу сам.

— Что там, Маркус? — произношу я, не оборачиваясь.

— Тормоза, босс. Эксперты осмотрели машину Шона в боксе. Тормозной шланг надрезали заранее, причём настолько аккуратно, что повреждение было трудно заметить. На скорости давление должно было упасть именно на «Дьявольской петле», когда у него почти не осталось бы шансов удержаться.

жать машину.

«Дьявольская петля» была одним из самых опасных поворотов на моей трассе. Слепой участок, высокая скорость, бетонные ограждения и слишком мало места для ошибки. Отказ тормозов там легко можно было принять за несчастный случай, списав всё на скорость и неудачный манёвр.

Кто-то попытался убить моего брата на моей же территории.

Я поворачиваюсь к Маркусу и смотрю ему прямо в глаза.

— Мои люди проверяют машины дважды перед каждым заездом. Как они это просрали?

— Шон отстранил наших парней на прошлой неделе, — Маркус отводит взгляд. — Сказал, что они зажрались и гонят конвейер, а ему нужен кто-то со стороны. Поэтому он сам нашёл механика на окраине.

Я мысленно ругаюсь. Мой брат всегда пытался доказать, что уже взрослый и прекрасно справится без моей опеки. Видимо, для этого ему понадобилось доверить собственную безопасность первому встречному.

— Кто механик?

— Пока выясняем точный адрес, босс. Бокс находится в глухом тупике на южной окраине. Ни вывески, ни документов, только сарафанное радио среди местных уличных гонщиков. Говорят, там работает обычная девчонка.

Девчонка.

Я повторяю это слово про себя, пытаюсь осмыслить услы-

шанное. Шон доверил машину неизвестному механику с южной окраины только потому, что ему не понравились мои люди. Теперь он лежит в реанимации, а я должен разбираться с последствиями его самоуверенности.

Я покидаю клинику, велев Маркусу прислать адрес на телефон, как только тот станет известен, и до моего приезда не приближаться к механику. Если эта девчонка действительно причастна к саботажу, я хочу услышать объяснение от неё самой.

У гаража Кросби срезает навесной замок. Тот звякает об асфальт, Дилан толкает железную дверь, и она с грохотом ударяется о стену. Оба расходятся в стороны, освобождая мне проход.

Девчонка стоит у верстака, сжимая гаечный ключ так, словно собирается пустить его в ход при первой возможности. Страх в её глазах заметен, но она не плачет и не просит отпустить её. Вместо этого поглядывает на лом у другого края верстака, прикидывая, успеет ли добраться до него раньше, чем я подойду.

Я узнаю её глаза. Десять лет назад видел их у ограждения трассы, когда Джек Найт погиб за рулём своего «Мустанга». Его дочь стояла, вцепившись в сетку, и смотрела на горящую машину. Тогда она была совсем ребёнком, но этот взгляд я запомнил.

Я приехал сюда, готовый разобраться с человеком, который помог испортить тормоза Шона. Дочь Джека в мои пла-

ны не входила. Старик когда-то оказал мне услугу, и я до сих пор ему должен. Я не собирался убивать его дочь, пока не буду уверен, что она действительно причастна к покушению на Шона.

Поэтому я решаю проверить её реакцию. Когда приставляю пистолет к её виску, она судорожно втягивает воздух, но всё-таки умудряется выдать замечание о сломанной двери и о том, кому за неё платить. Я не ожидал услышать подобное от человека, которому только что угрожал оружием. На мгновение даже теряюсь, пытаюсь понять, шутит она от страха или действительно думает о ремонте.

Я нажимаю на спуск, заранее зная, что выстрела не будет. Девчонка зажмуривается, но не кричит. Её пальцы всё ещё сжимают гаечный ключ. Этого недостаточно, чтобы считать её невиновной. Но достаточно, чтобы я не стал принимать окончательное решение прямо в гараже.

Теперь электронный замок гостевой комнаты тихо пищит, подтверждая блокировку. Я убираю карту в карман пальто и несколько секунд смотрю на закрытую дверь. Привести в собственный дом девушку, которая ненавидит меня и, возможно, причастна к покушению на моего брата, было далеко не самым разумным решением. Но здесь я могу следить за каждым её шагом. Если она виновна, далеко ей не уйти. Если же её подставили, она поможет мне найти того, кто на самом деле перерезал тормозной шланг.

Я прохожу в кабинет и не включаю свет. За панорамным

окном сияет ночной Майами, а я подхожу к столу и набираю код на скрытой панели нижнего ящика. Внутри лежит старый полароидный снимок, потрёпанный по углам. Я не доставал его несколько лет.

На фотографии Джек Нйт прислонился к капоту чёрного «Мустанга», улыбаясь так, словно впереди у него была целая жизнь. Рядом стою я, семнадцатилетний, с угрюмым лицом и выражением человека, который уже тогда считал себя старше собственных лет.

Я провожу большим пальцем по краю фотографии.

— Твоя дочь выросла, Джек, — говорю я в пустоту тёмной комнаты. — Надеюсь, я не ошибся, когда не нажал на курок.

Я возвращаю снимок в ящик и закрываю панель. Завтра Кэролайн осмотрит машину Шона от начала до конца. Мне нужно понять, действительно ли она работала с тормозами и могла ли заметить повреждение. Пока этого не выясню, обвинять её бессмысленно.

Но если она причастна к тому, что случилось с моим братом, память о Джеке её не спасёт.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.